

Предисловие

«Сердце волчьего леса» — история, которая открывает серию «Королевская библиотека», состоящую из книг, которые я читала и могу лично рекомендовать каждому читателю. И даже, я бы сказала, хочу настойчиво рекомендовать.

В «Королевской библиотеке» будет выходить многожанровое, плотное, захватывающее фэнтези, в котором наравне с хорошей любовной линией выписаны линии социальные, политические, детективные, военные, магические, эпические и так далее. Очень люблю такие книги, сложные, внушительные, оставляющие яркое послевкусие, и «Сердце волчьего леса» — одна из таких книг.

Эта история, которая очень долго ждала своего часа. Так бывает, что книги появляются не в свое время. И я бесконечно счастлива, что это время пришло.

«Сердце» — непростая, драматичная, проходящая через времена и расстояния история, которая захватит вас с первых страниц. При чтении я испытывала то самое чувство, когда и читаешь с комком в горле, и оторваться не можешь. Здесь всего много — и драмы, и счастья. Если вы думаете, что это история о любви, вы, безусловно, правы, но еще эта многослойная книга — о милосердии, осознании и сохранении себя, росте и выходе в большой мир. И умении оставлять места, где тебе плохо, и людей, с которыми тебе плохо.

Главный герой этой истории — Арронтар, волшебный лес волков-оборотней, который в какой-то момент стал проклятым лесом. Лесом, забравшим свое благословение. И мы с первых страниц понимаем, почему.

Героиня — Ро, Рональда, девушка-изгой в иерархическом сообществе оборотней, которые вроде бы и цивилизованны, но жестоко расправляются с теми, кто не похож на них. Ро при этом ухитряется сохранить душевную чистоту. Но самое страшное, что она сама верит, что с ней что-то не так, что она достойна смерти. Пока ей не открывается боль-

шой мир, в котором совершенно отчетливо привычки ее племени выглядят тем, чем они являются на самом деле. Дикостью.

Второй линией идет история Нарро — главы стаи, за мудростью и спокойствием которого скрываются такие тайны, такая боль и история, что дух захватывает. Нарро — единственный, кто разгадал тайну проклятья Арронтара. Но даже глава-альфа не может изменить природу существ, воспитывавшихся в жестокой традиции. И он ждет, он совершает ошибки, он жертвует своим сердцем и своей любовью, но действует — все для того, чтобы снять проклятье.

Мы знаем, что признак хорошей книги — это не только сильная идея, но и сильные персонажи — даже второстепенные. В «Сердце» мы видим историю, рост и изменение людей и оборотней, которые окружают главных героев. Мы видим то, как кто-то двигается от зла к добру, и других, которые шаг за шагом стремятся к злу, и понимаем, что наша жизнь — это выбор, который мы делаем каждый момент. И никогда не поздно исправить свои ошибки, а не плыть по течению.

Анна Шнайдер искусно сплела несколько линий и эпох, позволяя нам пройти с героями путь отвержения и поиска себя. Позволила увидеть, как жестокость общества к тем, кто выбивается из принятой нормы, бьет по самому обществу. Понять, что прощение без деятельного раскаяния невозможно. А еще «Сердце» — о любви, той самой, когда даже смерть не может разлучить. И о том, что настоящая сила — это милосердие, а настоящая красота — внутри каждого из нас.

*С любовью, Ирина Котова,
автор серии «Королевская кровь»,
составитель серии «Королевская библиотека».*

Хороших вам книг!

Часть первая
Проклятье
для оборотней

...Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя,
Или, может быть, когда умрём,
Мы в тот лес направимся вдвоём.

Н. Гумилёв

Глава первая

Рональда

Над лесом вставало солнце.

Я смотрела на небо, лёжа на небольшом пригорке, и улыбалась. Я больше всего любила час рассвета, когда можно просто молча полежать в одиночестве, ни о чём не думая, ни о ком не беспокоясь, забыв про собственную жизнь, потому что, глядя в рассветное небо, кажется, что всё это совершенно неважно.

Ветер шелестел листьями деревьев, заставляя их перешёптываться между собой. Скосив глаза, я наблюдала, как из норки вылез тушман — маленький пушистый зверёк-грызун — и принялся с упоением тереть глазки-бусинки, чтобы прогнать сонливость и умыться. С каждой минутой воздух всё больше светлел, и я уже могла разглядеть и пространство вокруг себя, и деревья, обступившие меня со всех сторон, словно они желали меня обнять. Забавно, ведь кроме них вряд ли найдутся охотники до объятий со мной.

Над лесом полилась тихая, мелодичная песнь какой-то маленькой птички. Прислушавшись, я узнала трели калужницы — эта крошечная птица с красным брюшком и забавным жёлтым хохолком на голове больше всего любила петь именно на рассвете, словно желая поприветствовать начинающийся день.

Наконец солнце выглянуло из-за верхушек деревьев и на миг ослепило меня. Я улыбнулась. Оно делало так каждое утро, а я радовалась: думала, что солнце играет, подмигивает мне, подбадривает... И никогда заранее не жмурилась, чтобы не пропустить тот, самый первый, лучик света, который заглянет мне в глаза. Поймав это приветствие от наступающего дня, я с наслаждением потянулась, не вставая с прохладной почвы, чувствуя, как трава щекочет голые пятки...

Я бы очень хотела быть столь же прекрасной, как и это утро, и природа вокруг меня. Но, к сожалению, не была такой. Иногда мне казалось, что это должны замечать и лесные животные, и рыбы, и даже деревья — но они не замечали. В отличие от моих сородичей, да и меня самой. Я терпеть не могла смотреться в зеркало, да и что хорошего я бы увидела там? Низкую и нескладную полную девушку со светлыми волосами, настолько жидкими, что голова напоминает ошипанную курицу. Нос — толстый, мясистый, как пяточок у свиноматки. Огромные губы, из-за которых меня когда-то прозвали жабой. Хоть уши не торчат и зубы ровные, и на том спасибо.

Единственная красота — глаза. Они у меня голубые, как лепестки лесной фиалки, очень редкого лесного цветка. И если бы они находились на каком-нибудь другом лице, может, и ничего, но на моём смотрятся как насмешка природы. Тем более что у всех нормальных оборотней глаза жёлтые. Точнее, они становятся жёлтыми после первого обращения. А до этого могут быть самыми разными. И то, что мои глаза до сих пор остаются голубыми, говорит только об одном...

— Рональда!

Я вздохнула. Ну вот, начинается. А я так надеялась полежать здесь ещё хотя бы десять минут.

— Рональда! Рональда, ты слышишь меня? Отцу срочно нужна твоя помощь!

Я хмыкнула. Ну конечно, кто бы сомневался.

— Иду, Сильви.

Над моим голосом природа тоже произдевалась. Нет бы сделать квакающим, как у настоящей лягушки! А он у меня обычный, красивый даже.

Я встала с земли, отряхнула юбку, нацепила башмаки, а затем сошла с пригорка и направилась навстречу сестре.

Увидев меня, Сильви, как всегда, нахмурилась.

— Ну где ты пропадаешь? Каждый раз так! Неужели ты не можешь подойти поближе к Поляне?!

Я пожала плечами, и она поджала губы.

— Пойдём. Отец просил привести тебя как можно скорее. — Она развернулась и поспешила прочь, а я молча последовала за ней.

Сестра, в отличие от меня, унаследовала замечательную во всех отношениях внешность нашей матери. У Сильви прелестные кудрявые волосы цвета золота, ярко-жёлтые глаза, изящный рот и стройная фигура. Она выше меня на целую голову и сумела впервые обратиться в тринадцать лет, как и положено. Сильви очень сильная самка, несмотря на свой возраст. Сейчас ей всего восемнадцать.

Кроме неё, у меня есть ещё одна сестра. И двое братьев. Я — самая старшая, мне двадцать два года. И все мы — дети главы клана белых волков, или, как его называют у нас, оборотней, калихари.

Я думала, отец будет встречать нас с Сильви у входа в деревню, как обычно, но нет. Видимо, случилось что-то действительно серьёзное.

Вместо того чтобы повернуть к дому калихари, сестра вдруг повела меня в ближайшее строение. Значит, раненых даже не стали тащить в усадьбу. Хм...

— Да шевелись ты! — зашипела Сильви, сверкнув ярко-жёлтыми глазами. Я, по своему обыкновению, ничего не ответила.

Возле дома, к которому мы шли, резко и неприятно пахло свежей кровью. Запаха было много, воздух им просто пропитался...

Дверь распахнулась.

— Рональда!

Я моментально остановилась, чуть присела и опустила голову — так у нас полагалось приветствовать любого из трёх глав кланов.

— Калихари.

Я никогда не называла его отцом.

— Пойдём.

Я и опомниться не успела, как он вдруг развернулся и вошёл в дом.

— Джерард не смог вовремя остановиться...

Больше отец ничего не сказал, но мне больше и не требовалось.

Джерард — старший из моих братьев. И самый неуравновешенный. Он, конечно, ара — так называют сильных, крупных самцов, — но пока не может понять, что быть

ара — это тяжёлая работа, а не игра в «догони, поймай, укуси».

Суть любого оборотня — двойственность. Двойное сознание. Есть человек, а есть волк. И чем сильнее твой внутренний волк, тем сложнее его контролировать. Настоящий ара должен быть прежде всего не сильным хищником, а сильным человеком, чтобы подчинить своего волка. Процесс «подчинения» занимает от пяти до десяти лет. По крайней мере обычно так и происходит. Но Джерард мучается уже чуть больше восьми, а подвижек всё нет и нет. Отец думает — это из-за его вспыльчивости. Возможно, он прав, и, прежде чем подчинить своего внутреннего волка, брату придётся побороться с собственным характером.

В комнате, куда завёл меня калихари, царил настоящий разгром: на полу валялись черепки от разбитой посуды, куски окровавленной ткани, ещё какой-то хлам, неподдающийся опознанию. А у окна стояла кровать, на которой и лежал он — получеловек-полуволк, с ног до головы вымазанный собственной (а может, и чужой) кровью.

Он не двигался.

— Я дал ему сонного зелья. Рональда, это Нери, сын Кендры...

Я только вздохнула. Всё понятно. Кендра — ближайшая подруга моей дражайшей матушки, и, понятное дело, обе очень расстроятся, если я не сумею помочь бедолаге.

Что ж, ладно...

Я подошла ближе к постели и почти сразу оцепенела. Да, Джерард, подкинул ты мне работёнку.

— Калихари, — я обернулась к отцу, — нужна очень хорошая верёвка или куски длинной, крепкой ткани. Пошлите Сильви в мою хижину, пусть принесёт с полки три бутылочки. Одна зелёная, другая красная, третья синяя. Надеюсь, она не перепутает, от этого зависит жизнь Нери.

Отец молча кивнул и вышел из комнаты, а я вновь повернулась к раненому. Случай был сложный и практически безнадежный.

Когда Джерард, потеряв над собой контроль, начал трепать Нери, как куклу, бедняга то ли от боли, то ли от отчаяния и страха решил перекинуться обратно в человека. В ре-

зультате он застрял посреди трансформации. Вывести из этого состояния вообще очень сложно, а тут ещё такие ранения...

Многие думают, что регенерация спасает оборотней практически от любых повреждений. Но это заблуждение. Во-первых, в течение десяти-двадцати лет с момента первого обращения она почти не работает, а только формируется, а во-вторых, если оборотню отрубить голову, она точно на место не прирастёт. Ну и даже при такой мощной регенерации, как у калихари, выздоровление после тяжёлых ран требует много времени и жизненных сил.

Удастся ли мне вытащить Нери из лап Дариды, я не имела понятия. Но попробовать стоило, и вовсе не потому, что я боялась гнева матушки или хотя бы жалела этого молодого оборотня. Я уверена, когда он очнётся, то и видеть меня не захочет, как и все остальные, кого я лечила. Мне просто было интересно, смогу ли я...

— Вот, — сказал калихари, заходя в комнату. В руках у него было три бутылочки и крепкая верёвка. — Тебе нужна помощь, Рональда?

— Нет. — Я покачала головой. — Выйдите, пожалуйста.

Несколько секунд отец просто смотрел на меня пронзительно-жёлтыми глазами. Желтее они только у дартхари — нашего Вожака.

— Хорошо, — кивнул он наконец и вышел из комнаты.

Я сразу же бросилась к Нери и приступила к делу. Сначала привязала его руки и ноги к крепким крюкам, торчащим прямо из стены — подобные есть в любом доме оборотней на случай, если придётся силой усмирять разбушевавшегося волка и связывать его, — а затем усилила узлы заклинанием.

Содержимое красной бутылочки первым делом отправилось в рот Нери, зубы которого я еле разжала, чтобы напоить его обезболивающим — именно это зелье хранилось у меня в бутылочках красного цвета. Теперь нужно было понять, что делать дальше, и я, приглядевшись, решила, что всё же буду помогать оборотню превратиться обратно в человека: тело Нери сейчас больше напоминало человеческое, чем волчье. Поэтому я, натерев его заживляющей мазью из зелёной бутылочки и с удовлетворением заметив, что раны

стали медленно, но затягиваться, села рядом на кровать и положила ладони ему на глаза.

Раньше для раненых молодых оборотней приглашали человеческого мага-лекаря из ближайшей деревни, но уже шесть лет его функции выполняю я. Я умею работать с магией Света и Тьмы, хотя, признаться, чародейка из меня довольно слабая. Но в клане белых волков я — единственная, кто умеет колдовать. Оборотни и не должны этого уметь, наша магия — это сама возможность превращаться из человека в волка и обратно. Какой-либо другой магией оборотни владеют очень редко. Я в числе этих «счастливчиков». Возможно, именно поэтому я так и не смогла обратиться...

Поморщившись, я постаралась освободить голову от лишних мыслей и сосредоточиться.

Постепенно ладони начали светиться. Сначала совсем слабо, но потом всё сильнее и сильнее. Я подняла Нери веки и направила этот слепящий свет прямо в его зрачки.

Оборотень дёрнулся.

— Нери! Ты слышишь меня? Нери! Это твоё имя, тебя так зовут. Ты видишь свет, Нери? Иди на него! Иди к нему! Давай, Нери!

Он дёрнулся ещё раз, потом зарычал и громко, протяжно завыл. Ох, надеюсь, сюда никто не явится после этих его трелей...

— Иди к свету, Нери! Иди сюда!

Оборотень задрожал, но ничего по-прежнему не происходило. Его только сильно трясло, как в лихорадке. Я продолжала звать его по имени ещё несколько минут, но...

Да, так мы до вечера провозимся.

Тогда я, наклонившись, поцеловала его в губы — мне нужно было как-то пробудить его человеческую сущность... хотя бы таким примитивным способом.

— Давай, Нери. Иди ко мне.

Странно, но этот поцелуй оборотню понравился. Он довольно заурчал и подался вперёд, словно требуя продолжения.

— Нет уж, Нери. Иди к свету и получишь ещё. Обещаю.

Сначала он зарычал, а потом... Я и моргнуть не успела, как оборотень, стремительно вытянувшись, стал человеком,

но почти тут же взвыл от боли, которая должна была раздирать его на части, даже несмотря на обезболивающее.

Нери распахнул жёлтые глаза и посмотрел прямо на меня. Я улыбнулась. Как хорошо, что он сейчас не видит, кто перед ним, а то бы с испуга обратно в волка перекинулся.

— Всё хорошо, Нери, — сказала я и быстро влила ему в рот содержимое маленькой синей бутылочки. Это было крепкое сонное зелье вперемешку с заклинанием, запирающим оборотня в одной из ипостасей, в данном случае в человеческой. И как только он закрыл глаза и затих, я встала с постели и вышла из комнаты.

— Как он, Рональда? — услышала сразу, как оказалась за дверью.

Голос отца дрожал. Волнуется, значит. А обо мне он никогда не волновался. Ни разу в жизни.

— Хорошо, калихари.

Я не стала смотреть ему в глаза, не взглянула я и на Джерарда — он стоял тут, рядом с отцом, и нервно заламывал руки. Прошла мимо недовольной, как и всегда, Сильви, и вышла из дома незнакомых мне оборотней.

Не знаю, сколько времени я лечила Нери, но небо уже стало нежно-голубым, как лепестки лесной фиалки, воздух ощутимо потеплел, утратив утреннюю прохладу. И я, не оборачиваясь, направилась к себе — за пределы деревни клана белых волков, где я жила вот уже шесть лет в маленькой деревянной хижине, потому что была отверженной.

— Рональда! — крикнул позади меня Джерард. Я остановилась, но не обернулась.

Услышала тяжёлые, гулкие шаги брата за спиной. Он подошёл почти вплотную, и от этого мне стало неуютно.

— Ты не хочешь повернуться ко мне лицом?

Его голос был злым. Впрочем, как и всегда.

— Не хочу.

— Ронни...

— Хватит. — Я не выносила, когда меня называли этим детским именем. — Говори, зачем я тебе понадобилась.

Несколько секунд Джерард молчал.

— С Нери действительно всё в порядке?

— Да.